

1. “Ich bin ein Berliner”

Эта стена – метафора и воплощение всей “холодной войны”. Это одна из главных основ окончательного поражения реального социализма перед лицом необычайной мифотворческой способности капитализма в его зрелой фазе.

Но Стена означает в то же время и начало массовой манипуляции в совершенно новых по сравнению с прошлым формам и радикальную перемену в самих формах геополитического соперничества.

Чтобы понять смысл, который Стена приобрела в коллективном представлении Запада и, конечно, большей части всего мира, можно опереться на речь, произнесённую американским президентом Джоном Кеннеди 26 июня 1963 года в Берлине с высоты железного помоста возле Бранденбургских ворот, с которого можно было бросить взгляд “на другую сторону” – на сторону врага.

“Многие люди в мире не понимают или не знают, какая огромная проблема существует в отношениях между миром свободным и миром коммунистическим. Пусть они приедут в Берлин!

Есть люди, которые утверждают, что коммунизм – это наше будущее. Пусть они приедут в Берлин!

Есть другие, в Европе и в других местах, которые предлагают сотрудничать с коммунистами. Пусть они приедут в Берлин!

Есть ещё и другие – их немного, – которые говорят: это правда, что коммунизм – вредоносная система, но он создаёт возможность экономического прогресса. Пусть они приедут в Берлин!

[...]

Все свободные люди, где бы они ни жили, – граждане Берлина. Вот почему я как свободный человек горд тем, что могу воскликнуть: “*Ich bin ein Berliner* – я берлинец”.

Он сказал это по-немецки: “*Ich bin ein Berliner*”, – и это восклицание стало заголовком тысяч статей, радиопередач, кинематографических и телевизионных репортажей по всему миру, кроме Советского Союза и того мира, который определяли как коммунистический. Как будто поднялась волна гнева и сочувствия, перевернувшая чувства людей ещё до и помимо всякого политического и идеологического рассуждения. Берлинская стена существовала уже два года. Её воздвигли 13 августа 1961 года, и с тех пор она стала знаменем, символом, решающим очевидным доказательством,

видимым невооружённым глазом и потому неопровержимым, — доказательством полной несовместимости “мира свободы”, представленного Западом, и советского коммунизма. Того, что через два десятка лет Рональд Рейган назвал “империей зла”. Кеннеди на потребу широких масс всего мира провёл границы — одновременно и в понятиях, и в чувствах людей, — и этих границ надо было придерживаться: две системы несовместимы; между ними не может быть сотрудничества; коммунизм ни в каком случае не может быть нашим будущим; он совершенно неэффективен, значит, не может разрешить проблемы человечества; мы — это свобода, а они — это угнетение.

“Холодная война” продолжалась уже некоторое время. В действительности, как мы вскоре увидим, она зародилась сразу же после Ялтинской конференции, на которой было принято решение о разделе сфер влияния после победы над нацизмом и фашизмом. Но до того момента ещё не было её гимна, её лейтмотива, её идеологического объяснения, её воплощения, её основной версии. Теперь нужно было только, чтобы пришла в движение огромная армия пропагандистов, которая как раз тогда и формировалась. Эта версия должна была не только быстро распространиться, но и стать абсолютно господствующей. Оглядываясь назад, можно только констатировать факт, что Берлинская стена была самым важным успехом “холодной войны” — она одновременно стала и символом победы Империи Добра над Империей Зла, и одним из главных орудий, ковавших эту победу.

Сегодня, через тридцать лет после падения Стены, мы уже можем предугадывать, предвидеть вакханалию празднования этой победы. Уже отмечали десятилетие и двадцатилетие, но третье десятилетие обрушения этой железобетонной постройки — можно биться об заклад — превзойдёт предыдущие празднества в несколько раз. Существует вполне определённая причина этого “увеличения громкости” — годовщину будут праздновать тем торжественнее, чем серьёзнее опасность пересмотра этой версии. Слишком много признаков надвигающегося масштабного кризиса, зародившегося целиком внутри победоносного Запада, чтобы их можно было стереть или затуманить пропагандой. Поэтому проповедникам придётся преувеличивать и раздувать исторические успехи — именно для того, чтобы пресечь всякую, даже гипотетическую попытку этот триумф оспорить. Они должны будут представить его нам во всём блеске технологического мастерства нашего времени, чтобы показать и объяснить его новому поколению, которое не видело его, не знает его, которое не может принимать его за талисман, помогающий против всех проблем настоящего. Особенно в этой нынешней Европе, которая представляет собой прямое следствие этой победы, они должны будут сказать и повторить на все четыре стороны, что это решение было единственно возможным, — не только справедливым, не только важным для всех, не только блестящим и превосходным воплощением Империи Добра, но и единственно возможным. Надо будет утаить за шквалом риторики, что это решение задумано было в интересах тех классов и социальных групп, которые получили от Империи Добра свою власть и благосостояние. Придётся отодвинуть в сторону ту беспокойную мысль, что немалая часть социальных групп, пользовавшаяся ими на первых этапах, сегодня чувствует, что её исключили из числа избранных.

2. Зачем Стену “надо было” воздвигнуть?

Придётся избегать, в первую очередь, вопроса “зачем?”. Потому что, если просматривать огромное количество публицистики, посвящённой этому событию, — книг, торжественных речей, подробнейших рассказов, фильмов и реконструкций этой трагедии (потому что речь идёт именно о трагедии), — то факт, который поражает больше всего — и он касается абсолютно всей публицистики, без исключения, — отсутствие ответов на это “зачем?”.

В действительности “зачем” было определено раз и навсегда в речи Кеннеди, выдержки из которой мы привели. И оно было как бы само собой разумеющимся. Стена — само изображение Империи Зла. Не было другой причины, кроме упадочности этой Империи Зла. Прежде всего, надо было наглядно, не оставив места сомнению, продемонстрировать, что Стена возникла “внутри” этого Зла. Она была его наглядным воплощением. Это был плод Зла со всеми его чудовищными следствиями. Всё остальное, что говорилось на эту тему, — а говорить можно было до бесконечности, и так и делали, — только

следствия этого начального постулата. Поэтому требовалось подробно рассказать о попытках проникнуть через Стену, о жертвах среди тех, кто пытался бежать; рассказывать об их историях, об их страданиях. Описывать длину Стены, нелепость её поворотов, материалы, из которых она построена. Описывать со множеством деталей странные и во многих отношениях мрачные превращения её постройки. Показывать читателям и зрителям “зияющие высоты” бесчисленных злодейств, которые почти всегда приходилось угадывать или предоставлять, так как их скрывал покров секретности, непроницаемо окутывавшей то, что по ту сторону Стены.

Не знаю, существует ли в какой-нибудь части огромной сети интернет полная библиография работ, вызванных, созданных, порождённых Стеной. Если бы она существовала, то была бы бесконечной. Не говоря уже о миллиардах статей, уже тридцать лет наполняющих газеты и журналы всего Запада, все они неизменно написаны на основе всё того же постулата. Это неиссякаемый источник пропаганды, питавший “бестолковую глобализацию”, в обстановке которой мы живём все эти тридцать лет. Тот, кто решит прочитать в Википедии статью “Берлинская стена” на любом из многих европейских языков, найдёт в точности то же, о чём я пишу, и только это. Обобщения Википедии — отличный пример той “приблизительной науки”, которая представляет собой достояние трёхмиллиардного народа, населяющего Сеть. “Истина”, сообщаемая Википедией, только подтверждает уже сказанное. Дальше заглядывать бесполезно. Википедия похожа на видеоигру, отлично изображающую наш виртуальный мир. За границами этого изображения, в котором мы все уже играем в свою смертельную игру, за этими границами *sunt leones*¹, как говорили римляне, когда речь заходила о том, что за границами их империи. И для таких случаев тоже существовал неопровержимый постулат: за этими границами ничего нельзя обнаружить, кроме львов. За ними нет никакой цивилизации. В лучшем случае насчёт этого внешнего пространства возникают вопросы, ответ на которые считается опасным искать.

Сразу же, в первых строках, мы можем прочитать о жертвах Стены — сколько их было за 28 лет её существования. По правде говоря, даже Википедия не может сказать нам, сколько в точности их было, но не отказывается сообщить свои данные, хотя и признаёт, что они противоречат друг другу. Беглецов, убитых Империей Зла, было, — пишет она, — “официально” 133, а если исходить из “официозных данных”, их “больше двухсот”². Хотя число погибших оказывается меньше, чем ожидалось (непонятно, кем). Однако, как утверждает всё та же Википедия, существуют другие данные, взятые с других сайтов, у других исследовательских учреждений, из которых следует, что убитых было больше, но тоже не ясно, сколько: минимум — 192, максимум — 239³.

Совершенно точно указывается, кто была первая жертва и как её звали — Ида Сикманн, выпрыгнувшая из окна и погибшая на Бернауэрштрассе 22 августа 1961 года. А последним погибшим был Винфрид Фрейденберг, организатор самого бросающегося в глаза бегства — на воздушном шаре искусной конструкции. Шар упал на западной территории, а Фрейденберг погиб. Он был вдвойне несчастлив, потому что умер за несколько месяцев до конца своего кошмара — 8 марта 1989 года.

Рассказ движется в направлении “чем дальше, тем сенсационнее”. Но и здесь источники расходятся, утверждая, что Гюнтер Литфин был первым убитым, а двадцатилетний Крис Геффрой — последним (21 июня 1969 года), но, может быть, здесь речь идёт только о погибших от автоматных очередей. Конечно, есть и другие примеры, менее очевидные, менее наглядные. Есть даже классификация по возрасту — начиная с восьмидесятилетней Ольги Зеглер и заканчивая самой младшей жертвой, которой, кажется, был младенец Г. Хольгер, всего 18 месяцев от роду, бежавший, конечно, на руках родителей, конец которых неизвестен.

Зато попыток бегства, увенчавшихся успехом, было около 5000. Это косвенное доказательство, что коммунизм был не слишком эффективен и зорок, даже тогда, когда в полную силу показывал свою злобность. Большая часть из этих пяти тысяч попыток удалась в первые месяцы и годы, когда стена была ещё только что возникшим замыслом, слишком простым и банальным. Стену поставили в спешке, не учтя всех деталей, не приняв в расчёт неистощимой фантазии людей, задыхающихся без западной свободы. Но злоба коммунистов

от трудностей только закалилась. В самом деле, оказывается, что было целых три варианта Стены, всё более утончённо продуманных, — от простого и поспешно построенного, сделанного из колючей проволоки, натянутой между деревянными и цементными столбами, до кирпичной кладки и потом железобетона. Вплоть до последней версии — асфальтированной дороги, проложенной броневиком, между цементными заграждениями, дополнявшими 155 километров Стены. Среди жертв немало было солдат и пограничников, обязанных наблюдать за другими беглецами из Германской Демократической Республики. Как было в случае, например, с Бурхардом Ниригом, убитым в 1974 году. Весь мир облетела фотография Конрада Шуманна, перепрыгнувшего невредимым, с автоматом через плечо, барьер из колючей проволоки на известной улице Бернауэрштрассе. Но, если правдива история Геффроя, мы должны сделать вывод, что пограничники ГДР перестали стрелять в 1969-м (то есть через восемь лет после постройки Стены) и в следующие двадцать лет ситуация оставалась “почти нормальной”, попытки бегства становились всё реже и не заканчивались смертельным исходом. И к этому следует добавить, что, вероятно, берлинская история потеряла по прошествии времени значительную часть своего пропагандистского обаяния.

Однако, следуя стилю и канонам западной пропаганды, следует добавить “на закуску” яркую подробность — любопытную историю Конрада Шуманна. Он успешно сбежал в первый период существования Стены, и было совсем не похоже, что он станет жертвой. Его убила не Вopo⁴, позволившая ему сбежать за много лет до того, а его собственная известность. О его необычайном бегстве писали все немецкие газеты, его фотографии попали на обложки иллюстрированных журналов всего Запада. Он поехал начинать новую жизнь в Баварию и после падения Стены вернулся на восток, чтобы снова увидеть родных и друзей. Но в другой части Берлина, уже больше не коммунистической, он встретил такой холодный и враждебный приём, что, впав в уныние и чувствуя себя несчастным, покончил с собой. Но не сразу. Он думал об этом и покончил самоубийством через девять лет, в 1998 году.

Эта история входит в немалое противоречие с тем объяснением существования Стены, которое даёт, например, Виктор Суворов: “Человеческие существа можно удерживать в коммунистическом обществе только непроницаемыми конструкциями, колючей проволокой, собаками и полицейскими, которые стреляют в спину. Стена означала, что система, которую построили коммунисты, не притягивала, а отталкивала”⁵. Это описание лишено конкретных фактов, географических или исторических, оно целиком идеологическое. Оно рассматривает коммунизм как категорию духа, как “систему” универсально “отталкивающую”. Если бы оно было правдиво, было бы невозможно объяснить, каким образом миллиард и четыреста миллионов китайцев ещё не сбежали из Китая, учитывая, что речь идёт о стране, которая считает себя “коммунистической” и при этом не заперта внутри стены и не ограждена непроницаемыми барьерами. Великая Китайская стена, как известно, нужна не для этого и никогда не служила для того, чтобы пресекать случаи бегства. Есть и много других вещей, которых Виктору Суворову⁶ не удаётся объяснить, и, вероятно, он был удивлён, обнаружив, что в 2018 году больше шестидесяти процентов русских всё ещё считали Сталина лучшим лидером России — после того, как они испытывали на себе западную свободу в течение 27 лет, то есть начиная с 1991 года.

Таким образом, мы можем узнать всё, кроме ответа на вопрос “зачем?”, ставшего истоком постройки Стены. На этот вопрос мы попробуем ответить теперь, через тридцать лет после падения Стены и через 58 лет после её постройки.

3. История, какой она была на самом деле

Реконструкцию событий произвести совсем не трудно. Для этого достаточно тщательно проследить развитие событий, сопровождавших поражение гитлеровской Германии, начиная с Крымской конференции (в Ялте, 4–11 февраля 1945 года), немного предшествовавшей этому поражению. Конечно, факты всегда имеют предпосылки, которые можно интерпретировать очень по-разному. В этой работе я постараюсь, насколько это для меня возможно, расположить по порядку наиболее значительные события, ничего не забывая,

а в том, что касается предположений и их интерпретаций, ограничусь тем, что буду держать в уме, что не все они одинаково кристально ясны и очевидны. И выберу те, которые представляются самыми очевидными. История, которую я собираюсь рассказать, касается очень точно определённого периода, а именно – от Ялтинской конференции до строительства Берлинской стены.

Русские войска вошли в Берлин 2 мая 1945 года, и в тот же день немецкий генерал Гельмут Вайдлинг сдал город без всяких условий советскому генералу Василию Ивановичу Чуйкову⁷. Но в Ялте за два месяца до того Рузвельт, Черчилль и Сталин уже определили заранее – хотя и только в общих чертах – общую линию поведения. А именно: они предлагали друг другу вместе руководить последующими этапами падения рейха. В тот момент три страны-победительницы – Советский Союз, Соединённые Штаты Америки, Великобритания – действовали на почве, которая, как уже невяно подразумевалось, была определена соотношением сил, а это соотношение сил определялось ходом военных действий. Все три “признавали” существующее положение вещей. И оно определялось “на поле битвы”. Советский Союз взял Берлин и демонстративно остановился на этой точке опоры. Он мог бы этого и не делать, а двигать дальше. Однако он предпочёл остановиться и ждать в Берлине войска союзников, которые прибыли через месяц. Две трети Германии были в его распоряжении, но Сталин сумел сделать расчёт стратегических отношений. Вашингтон и Лондон расценили этот жест как знак доброй воли. Рузвельт поверил в добрые намерения Сталина. Черчилль почувствовал ещё большее недоверие и зависть к победившему союзнику, которого предпочёл бы видеть на коленях.

Не легко и никогда не будет легко оценить, каков был уровень их согласия. Документы, которые эти трое подписали в Ялте, недвусмысленно доказывают, что они собирались действовать вместе. Именно потому, что все трое были способны рассчитать соотношение сил. Поэтому линия стратегического сотрудничества была разработана в Ялте при общем согласии, хотя некоторые выражения были туманны. Интересно и поучительно восстанавливать на основе тех документов, которыми мы располагаем, как и почему это сотрудничество – в тот момент неизбежное – в немногие решающие годы превратилось во враждебность и спор. И почему совместные отношения Советского Союза и Запада перевернулись и смешались из-за невозможности решить немецкий вопрос с общего согласия.

Для обеих сторон вскоре стало очевидно, что решить проблему Германии чрезвычайно трудно. Соединённые Штаты сразу же сочли неприемлемыми какие бы то ни было предположения о переходе Германии на советскую орбиту. Напротив – как будет яснее видно на последующих страницах – целью Вашингтона было оградить послевоенную Германию от всякого возможного советского влияния. И – в то же время – использовать Германию как инструмент для восстановления целостности Западной Европы. Намерения Сталина были в точности противоположны. Очевидно было, что ни та, ни другая цель недостижимы при совместном участии всех трёх победителей. Сталин хитрил, но не из осторожности, а потому, что не имел сил навязать своё решение другим и старался выиграть время, выжидая, когда можно будет играть в открытую. Соединённые Штаты, напротив, располагали экономическими и военными средствами, чтобы перехватить инициативу. Это означало разрыв. Так и вышло. Немецкий вопрос был только частью общей планетарной картины, которую Черчилль, Сталин и Рузвельт имели перед глазами. Но частью первостепенной, решающей. Вместе с атомной бомбой – уже шла подготовка, чтобы сбросить её на Японию. Такова была обстановка, в которой развивались события.

В “Протоколе переговоров между главами трёх правительств” среди первых фигурирует тема “материальных репараций с Германии”. Она возникала в трёх пунктах. Первый:

“Германия обязана возместить в натуре ущерб, причинённый ею в ходе войны союзным нациям. Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом”.

Во втором пункте определялись формы, в которых должны были взиматься репарации. То есть:

“а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства

Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне её (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причём эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;⁸

б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции в течение периода, длительность которого должна быть установлена;

в) использование германского труда”.

Третий пункт: “Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждается межсоюзная комиссия по репарациям в составе представителей от СССР, США и Великобритании”.

В четвёртом пункте возникает ряд расхождений между Рузвельтом и Черчиллем и важное совпадение мнений между Рузвельтом и Сталиным, а именно: речь идёт о том, чтобы предварительно определить суммы репараций. Мнения советской и американской делегации сошлись в нескольких пунктах: “Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций (...) должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идёт Советскому Союзу”. Британская же делегация с этим не соглашалась. Она не назвала суммы репараций и считала, что “не могут быть названы никакие цифры”, пока вопрос не рассмотрит Московская комиссия. По большому счёту, однако, в тот момент линия разлома не разделила Запад и СССР. Рузвельт и Сталин были согласны против Черчилля.

В Ялте обозначились многие вопросы, ставшие судьбоносными для мировой истории в последующие десятилетия, можно сказать, вплоть до наших дней. Но в чём Три Великие Державы были согласны, так это в том, что нельзя допускать побеждённую Германию влиять на последующие события. Как мы вскоре увидим, за два последующих года обнаружился радикальный слом позиций, когда фронт союзнических антинацистских сил раскололся на две партии: с одной стороны – Советский Союз, с другой стороны – Запад, представленный Соединёнными Штатами, Великобританией и Францией (эта последняя была возведена в ранг победительницы по настоянию Соединённых Штатов и утверждена в этом качестве при нескрываемом сопротивлении Москвы). Нет сомнений, что одной из причин перелома в отношениях стала внезапная смерть (12 апреля 1945 года) американского президента Рузвельта. Трудно анализировать этот аспект проблемы – здесь могут быть разные и даже противоположные интерпретации. Но кажется очевидным, что Гарри Трумэн, взявший на себя обязанности президента после Рузвельта, имел совершенно другое понятие о будущем мира, чем его предшественник. И, поскольку президент Соединённых Штатов Америки – далеко не главное действующее лицо в политике этой страны, многие историки считают, что роль личности Рузвельта была чрезвычайной (такой роли больше никто из президентов за всю историю этой страны не сыграл). Трумэн был скорее провинциалом, пришёл к власти, не имея ни международного опыта, ни собственного видения будущего, без сознания (которое долго вынашивал Франклин Делано Рузвельт) решающей роли, которую приняли на себя Соединённые Штаты после поражения Германии. Гарри Трумэн оказался, таким образом, призван управлять историческими переменами, слишком значительными для его способностей. Там, где его ограниченных способностей не хватало, он подчинялся силе и изворотливости Уинстона Черчилля и никем не обузданному могуществу “военно-промышленного комплекса”, в конце концов, начавшего определять всякий выбор Вашингтона.

Если вернуться к рабочему протоколу Крымско-Ялтинской конференции, когда за столом переговоров ещё сидел Рузвельт, ясно, что у Германии нет будущего. Раздел III⁹ посвящён “расчленению”¹⁰ Германии и содержит чрезвычайно жёсткие условия немедленной капитуляции. В него включён, в числе прочих, пункт, по которому “Соединённое Королевство, Соединённые Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик будут обладать по отношению к Германии верховной властью. При осуществлении этой власти они примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности”¹¹. Тон заключительного заявления – безжалостно обличительный.

“Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разрушить и распустить все германские вооружённые силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причинённые немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно другие такие меры в Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций”.

4. План Morgentau

Здесь нужно подчеркнуть, что именно американцы на этом этапе решительнее всего стояли за наказание Германии как государства и немецкого народа в целом. Европейская широкая публика очень мало знает, например, о так называемом плане Morgentau, названном по имени его создателя и поборника. Генри Morgentau-младший, еврей по происхождению, был министром финансов Соединённых Штатов и в этом качестве возглавлял американскую делегацию на конференции в Квебеке 16 сентября 1944 года, которая фактически была подготовкой к участию США в Ялтинской конференции. В этом случае Morgentau удалось убедить президента Рузвельта принять проект “об уничтожении военной промышленности в Руре и Сааре и превращении Германии в страну по преимуществу аграрную и скотоводческую”. Также в этом случае проявилось и различие позиций Рузвельта–Morgentau, с одной стороны, и Уинстона Черчилля – с другой. Этот последний настаивал на своём, но без успеха, что суровость санкций против Германии нужно смягчить. Были всё-таки внесены некоторые изменения, но только частные. Рузвельт намеревался привезти в Ялту предложения, созвучные с ожидаемыми требованиями Советского Союза.

Этой линии он придерживался и на Ялтинской конференции. Но смерть Рузвельта, как уже было сказано, изменила соотношение сил и влияния на всём Западе. Судьба Германии – все это понимали – не могла быть определена независимо от судьбы Европы в целом, от будущих отношений с Соединёнными Штатами и отношений между будущей Европой и Советским Союзом. Однако вплоть до Берлинско–Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945) видение ситуации, совместное достигнутое тремя державами-победительницами вскоре после победы, оставалось неизменным. В ходе конференции продолжало преобладать согласие трёх держав-победительниц относительно общей цели – предотвратить всякую возможность возрождения Германии. Цель, на которой упорно настаивали, – держать то, что от неё осталось после военных разрушений, под жесточайшим трёхсторонним контролем (Франция была допущена к переговорам победителей вскоре после этого). Германия Третьего рейха была успешно расчленена. Все немецкие аннексии территорий, сделанные после 1937 года, начиная с Судет, были отменены. Восточная граница была отодвинута к западу вплоть до линии рек Одер и Нейсе. За Польшей признали Западную Пруссию, Силезию, часть Восточной Пруссии, а именно – две трети Померании, некоторые районы Бранденбурга. Советский Союз взял себе значительную часть Восточной Пруссии, город Кёнигсберг (который станет Калининградом) и его область. Франция включила в свои границы почти все месторождения угля и весь промышленно-шахтёрский Рурский бассейн. Все города, большие, средние и маленькие, которые были германизированы перед войной, будут очищены от немецкого населения. За несколько лет около семнадцати миллионов немцев – женщины, старики, дети

и немногие оставшиеся в живых мужчины — лишатся своего имущества и будут высланы из своих жилищ и с территорий, где они поселились, и насильственно возвращены на территорию, оставшуюся от расчленённой Германии. И это не были решения, оставшиеся только на бумаге. Началось массовое переселение гигантских масштабов — в районы, практически разрушенные войной; переселенцы остались без средств к существованию, без медицинского обслуживания, со случайным транспортом, при враждебности прежде угнетённого населения, и это стало причиной огромного числа жертв. Скольких их было, вычислить уже невозможно, но, конечно, их были миллионы. Другими словами, в Потсдаме была принята к действию и осуществлена политика репрессивной и безжалостной оккупации, намеченная в Ялте. Всё — при общем согласии победителей.

О том аде, который был создан в районах Центральной Европы после краха Третьего рейха, нет ни торжественных воспоминаний, ни фильмов, ни тем более телесериалов. Да, есть огромное количество исторической публицистики, которая, однако, осталась на полках библиотек и университетов, но никогда не достигала широкой публики. И это трагическим образом объяснимо. Широкую публику обязательно информировали — и продолжают делать это и сегодня — о холокосте против евреев, устроенном нацизмом. Но насчёт холокоста против немецкого населения, устроенного союзниками, победившими во Второй мировой войне (который был не меньше, чем холокост против евреев — во всяком случае, исходя из многочисленных авторитетных свидетельств, исследований, даже официальных документов правительства и Конгресса Соединённых Штатов), существовало молчаливое соглашение, что было бы бесполезно заниматься этим вопросом или придавать ему слишком большую известность. В самом деле, по большей части немецкий холокост был делом рук Запада. А не только и не столько Советского Союза. И потому говорить о нём значило бы разрушать ту чёрно-белую картину, которую создавали (хотя и не без напряжённого противодействия) в самих Соединённых Штатах, уже начинавших тем временем присваивать скипетр имперского господства, выхваченный из рук Великобритании.

План Morgентау был приведён в действие немедленно после краха нацизма — для этого даже не стали дожидаться решающей встречи, договорённость о которой уже существовала и которая осталась в истории как Берлинско-Потсдамская конференция (17 июля — 2 августа 1945 года). Датой начала реализации этого плана можно считать 10 мая 1945 года, план был подписан Гарри Трумэном под названием “Директива об оккупации” и получил аббревиатуру *JCS 1067 (Joint Chiefs of Staff)*. Другими словами, он был односторонней инициативой американского правительства и касался только зон западной оккупации. И был плодом железной решимости Генри Morgентау-младшего без всяких компромиссов наказать Германию и немцев. Он сам вспоминал в своих дневниках, что в 1944 году предлагал Рузвельту расстрелять на месте без суда и следствия первых 50 или 100 нацистских главарей, которые будут взяты в плен. Предложение не было принято¹². И его идеи встретили решительное сопротивление в американской администрации и военном командовании, опасавшихся, что, если новость об американских намерениях просочится, отчаянное сопротивление немцев в последние недели войны будет усиливаться и дальше. В верховном командовании США говорили, что принять план Morgентау было бы всё равно, что сражаться с десятью немецкими дивизиями. Впоследствии план Morgентау (или его часть) попал к Йозефу Геббельсу, министру пропаганды Третьего рейха, который использовал его, чтобы разжечь ярость последних его бойцов. “Не допускайте, — писал Геббельс, — чтобы от Германии оставили только “картофельное поле”¹³.

В действительности внутри западной коалиции зрели идеи, совершенно отличные от идей Генри Morgентау, о том, как обращаться с побеждённой Германией. Вплоть до дней Потсдамской конференции в Вашингтоне, Лондоне и Париже (в первую очередь, в Лондоне) набирала силу мысль, что Германия может использоваться как необходимого союзника против Советского Союза. Значит, совсем не нужно обращаться в пепел её и её обескровленный народ, а нужно, напротив, поддерживать в ней жизнь и как можно скорее привести её в такое состояние, чтобы она могла способствовать возрождению Европы, а Европа стала главным бастионом против советских претензий — истинных или мнимых — на господство. Парадоксально, но директива *JCS 1067*

была подписана Трумэн (Рузвельт умер 12 апреля этого года), когда Моргентау уже фактически потерпел политическое поражение. Так что, когда американская делегация отправилась участвовать в Потсдамской конференции, его без излишних церемоний исключили из состава переговорной группы. В качестве министра финансов он обратился к Трумэну, угрожая своей отставкой, и результатом стало то, что Трумэн эту отставку немедленно принял. Несмотря на это, Моргентау не признал себя побеждённым. Небольшая группа военных чиновников, контролируемых министерством финансов, продолжала воплощать в жизнь директиву JCS 1067 и добилась того, что она исполнялась самым суровым образом. Два года, вплоть до её отмены, действовало правило: “неприемлемо никакое действие, могущее привести к реабилитации Германии”. Но следует ещё добавить, что Моргентау действовал не в полном одиночестве. В октябре 1945 года он опубликовал книгу под названием “Германия — наша проблема”, в которой подробно разъяснял свою доктрину. Он сделал это, опираясь на личное разрешение Рузвельта, полученное от него вечером накануне его смерти, 11 апреля, когда они ужинали вместе в Уорм-Спрингс. Единственное, чего Рузвельт в тот вечер не позволил опубликовать, был меморандум (касавшийся превращения Германии в “картофельное поле”), подписанный как Рузвельтом, так и Черчиллем на второй конференции в Квебеке в 1944 году.

Вся команда “*Morgenthau Boys*” ушла в отставку только в июле 1947-го, когда директива JCS 1067 была заменена другой — JCS 1779. Девизом новой политики стало: “Безопасная и процветающая Европа требует экономического вклада стабильной и продуктивной Германии”. Полная смена политической линии, спровоцировавшая очень жёсткий ответ Сталина. По существу, антинацистский союз прекратил своё существование в этот момент. Началось то, что потом назвали “холодной войной”.

5. “Длинная телеграмма” Джорджа Кеннана

За поверхностью политических, военных, дипломатических событий, видимой и довольно понятной, скрывался совершенно другой, реальный уровень отношений между тремя странами-победительницами и их народами. Здесь уже угадывалось существенное отличие поведения Рузвельта со Сталиным от поведения Черчилля. Американский президент смотрел на Советский Союз и на Сталина лично с искренним восхищением и уважением. Конечно, не потому, что был марксистом или социалистом, а потому, что у него было своё видение будущего — он предвидел возможность мирного сотрудничества двух стран. Эти идеи он к тому же публично высказывал задолго до войны, когда во время Великой депрессии, в разгар неограниченного господства либерализма в Соединённых Штатах утверждал возможность смешанной экономики, в которой государство могло бы играть важную роль — быть ориентиром, вмешиваться, становиться посредником в таких экономических ситуациях, где частная инициатива оказалась бы недостаточной или неуместной. Нет сомнения, что, если бы Рузвельт оставался в живых в те судьбоносные месяцы и годы, события развивались бы совершенно иначе. Перемена совершилась в те два часа, которые отделяли кончину Рузвельта от назначения Трумэна и его вступления в должность.

Для этой перемены уже существовали все предпосылки, которые только присутствие Рузвельта могло до этого момента сдерживать. Например, всего через несколько месяцев после окончательной победы над Германией *Wall Street Journal* выдвинула гипотезу военного альянса между западными странами, в который предполагалось включить западногерманское государство¹⁴. И лондонская *Times* почти одновременно предложила отменить только что подписанный Потсдамский договор. Но высказаны идеи, на которых основывалась эта западная стратегия, были в “Длинной телеграмме”, — конечно, секретной, — которую Джордж Кеннан, тогда посол в Москве, отправил в Госдепартамент США 22 февраля 1946 года¹⁵. Это документ чрезвычайной исторической и политической важности, повлиявший на многие последующие события. Уже его длина кажется непривычной — 8000 слов в одной депеше говорят о драматичности момента. И об амбициях писавшего. Культурное и политическое содержание телеграммы, как бы его ни оценивать, свидетельствует о том, что она написана человеком очень талантливым и способным

видеть вещи в широчайшей перспективе. Кеннан пользовался большим авторитетом в Вашингтоне и до того, как написал эту статью, и именно поэтому его назначили в Москву. Он отдавал себе отчёт, что статья будет иметь сильное влияние на будущий выбор американской государственной администрации (этот выбор она уже начинала делать). Но идеи, которые он выразил в этом документе, очень отличались от идей Рузвельта. В нём обрисовывается общий облик советского руководства в тот момент, это был анализ его понятий и поведения, а также подробно, резкое, часто до жестокости реалистическое описание чувств русского народа в целом.

Кеннан начинает с утверждения, что Россия как страна “по природе” враждебна Западу. Как, по мнению Кеннана, следует объяснять враждебность России к Западу? Конечно, не агрессивностью Запада в отношении России (её Кеннан даже не принимает во внимание), а практическими требованиями, стоящими перед советскими лидерами. Они должны были воспитывать в своём народе неприязнь к Западу, чтобы оправдать собственный авторитарный стиль руководства страной. Во-вторых, исходя из постулата о невозможности мирного сосуществования с капитализмом, руководящие коммунисты легко сыграли на том, чтобы сделать центром своей стратегии разрушение капиталистического образа жизни и способа производства. Здесь уже было сказано, что эти тезисы – нужные, чтобы определить мотивы “агрессивности” России, – имели такое определяющее влияние на американскую политическую культуру, что живы ещё и сейчас, через три четверти века, после крушения советского коммунизма и перехода России к капитализму.

Здесь нужно сделать отступление, чтобы описать душевное состояние, владевшее в тот момент народом СССР. Победа над нацизмом, несомненно, была пережита Советским Союзом не только как вздох облегчения после стольких страданий, смертей и разрушения. Достаточно прочесть замечательный роман Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”, чтобы понять, как надеялись миллионы русских избавиться от этого кошмара – не только кошмара войны, но и того, который продолжался весь период после Октябрьской революции – гражданской войны, раскулачивания, сталинских репрессий – и начать новую жизнь, без насилия, репрессий, смерти. Конечно, не для того, чтобы удовлетворить чувство мести или расширить свои завоевания. Таковы были чувства, распространившиеся в советском народе. Но, конечно, Джордж Кеннан не мог читать эту книгу, а если бы он её и прочитал, вероятно, не мог бы понять эту сторону проблемы. Для американца, для западного человека, убеждённого в своём превосходстве, это было бы очень трудно.

Однако это состояние души, хотя и распространённое, не было ни единственным, ни господствующим. Миллионы советских людей, сражавшихся и победивших в страшной войне в их собственном Отечестве, после того, как они заплатили общую цену в 20 миллионов убитых; после того, как долго, до самого Сталинграда, боялись поражения, которое означало бы уничтожение нации; после всего этого и многого другого пережили победу как очевидное доказательство своей силы, своей сплочённости и своего мужества. И это в значительной степени ставилось в заслугу режиму, который с этим соглашался. Коммунистическая партия вышла из всего этого укрепившейся, её внутренний авторитет возрос, как и международный. Партия и народ разделяли, так сказать, гордость победы. И с ней было естественно сочетать идею мировой революции, в которой идеи социализма и коммунизма могли бы снова перейти в наступление. Особенно за границами социалистического мира. Теперь появилась возможность немедленно раздвинуть эти границы, перенести свою социальную систему в только что завоёванную Восточную Европу. Западные союзники, разделившие с Советским Союзом эту победу, чувствовали силу этого эмоционального подъёма и были им одновременно восхищены и испуганы. Конечно, Франклин Рузвельт был восхищён.

Однако очень скоро стало очевидно, что среди западных лидеров преобладают страх и беспокійство. У Уинстона Черчилля это чувство определилось во время Ялтинской конференции. Он отлично понимал, что Великобритания теряет – таково было неизбежное следствие той самой победы, которую пришлось разделить с СССР и США – часть своего имперского лоска. И старался не упустить ни малейшей возможности сохранить за своей страной роль великой державы. Соединённые Штаты считали, что именно они должны взять

в свои руки судьбы целой планеты. И не могли бы сделать этого, не ограничив жёстко претензии Советского Союза.

Таким образом, размышления Джорджа Кеннана вскрыли самый центр проблемы, мучившей западные правящие классы. Он дал ответ, которого жаждал Запад. По словам британского историка Эрика Дж. Хобсбаума, он видел “в России, какой бы она ни была – царской или большевистской, – варварское и отсталое общество, управляемое людьми, движимыми <традиционным и инстинктивным чувством неуверенности – неотъемлемым качеством русских>, всегда готовыми изолировать себя от внешнего мира, всегда подчинёнными автократам, всегда ищущими уверенности, и ищущими только одним способом – при помощи упорной борьбы не на жизнь, а на смерть – борьбы за разрушение державы-соперницы, без всяких договоров и компромиссов с ней; следствие – государство, понимающее только “логику силы”, но никогда не логику разума”¹⁶.

По Кеннану, коммунизм не изменил существенно дух России. Он только укрепил этот дух, сделал его более грубым и связал с самой безжалостной из утопистских идеологий. Его понимание России так совпало со “стратегическим” духом Запада, что повлияло на идеи одного из самых блестящих американских интеллектуалов конца “короткого века” – поляка Збигнева Бжезинского. Он через двадцать лет после этой телеграммы настаивал, что проблема Америки и Запада в целом – не только победить коммунизм, но и уничтожить Россию, покорив её, колонизировав её, сделав её совершенно бессильной. Проект Гитлера был ещё радикальнее – уничтожить Россию, захватив её территорию и истребив народ. Следует заметить, что, судя по описанию Кеннана, у России преобладает инстинкт – варварский, атавистический, насильственный. Россия – утверждал он – всегда была такой и всегда такой будет. Это не вопрос политики или меняющихся обстоятельств – это глубинная характеристика русского духа, каковы бы ни были временные правители.

И поистине любопытно читать отстоящее на несколько десятилетий суждение-противовес, вынесенное русским защитником России и зеркально отражающее мысли Кеннана. “Запад, – писал А. Зиновьев, – это явление уникальное, т. е. единственное в своём роде и неповторимое в истории человечества <...> Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или западные страны по двум основным причинам. Первая причина – навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т. п.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний социальный феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Во всяком случае, у России не больше шансов стать Западом, чем у мухи стать слонем на том основании, что и у неё есть хобот. Вторая причина – место и роль Запада уже заняты, и самое большее, на что уподобляющиеся Западу народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причём на тех ролях, какие им позволит сам единственный и неповторимый Запад. <...> Запад создавался, поддерживался, охранялся и завоёвывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определённого типа. Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен”¹⁷.

Это необычный диалог “через время” между двумя крупными интеллектуалами из двух лагерей, много понимавшими, а кое-что только чувствовавшими. И из этих отрывочных интуиций, из замеченных ими “отклонений” выросла история, которую мы знаем. Дело в том, что Россия, помещённая Кеннаном под увеличительное стекло, относится к тем странам, которые, как заметил Зиновьев, “уподобляются Западу”. Можно добавить: “мечтают уподобиться”. Но которые, как тут же добавляет Зиновьев, не могут исполнить эту мечту, потому что созданы из “другого человеческого материала”. Был прав и Джордж Кеннан, когда описывал Россию как страну, одержимую “традиционным и инстинктивным недостатком веры в себя” и “страхом перед обществами более конкурентоспособными, сильными и лучше организованными”. Это качество русские сами отметили в своём психологическом автопортрете и назвали “чувством неполноценности”.

Кеннан воспевал врождённое превосходство западных обществ и предупреждал наивных (каковым, по его мнению, был Франклин Рузвельт), неосторожно забывших, что надо быть начеку. “Русские правители всегда понимали, что их власть не сможет устоять, имея дело с политическими системами западных стран”. Его предложение, хорошо обдуманное и потому очень определённое: нужно держать их на расстоянии, сдерживать. “Сдерживание” России, предложенное им, стало политикой Запада в целом и было её сутью на протяжении всей “холодной войны”.

Прагматизм Кеннана позволил ему глубоко взглянуть на Россию, но и привёл его к тому, что он наложил на русских что-то вроде неснимаемого проклятия. Ему не хватило самой малости историзма Вико¹⁸ или Грамши, чтобы понять, что его рассуждение ведёт к расизму. К расизму изящно утончённому, элегантно упакованному, слегка ироническому, но всё-таки к расизму. Ему даже не пришла в голову мысль, что именно бывшие в истории давление Запада на Россию и его агрессия против неё вызвали отчуждение России от Запада. Кеннан приписал России “историческую агрессивность” по отношению к другим странам, забывая, скольким вторжениям западных армий России пришлось подвергнуться, от скольких ей пришлось защищаться примерно раз в столетие, а в XX веке — два раза: 1605–1618 (поляки), 1709 (шведы), 1812 (французы), 1914 (немцы), 1941 (немцы). И это, нельзя не признать, оставило следы, которых не могут изгладить десятилетия и века. И (это возражение не утратило своей силы и сейчас, когда я пишу) неизвестно почему, кому-то можно гордиться ранами своих предков, а у русских они должны заживать в ускоренном темпе.

Проблема, которая по-прежнему существует и сейчас, когда я пишу эти строки: история написана победителями. Они поставили своё фабричное клеймо на умы своих подданных. Джордж Кеннан был знаменосцем их идей, одновременно создателем и защитником этого клейма. И это клеймо — введённое ещё глубже от неоднократных практических успехов, — превратилось в догму. И догма стала основой идеологии, которая питает и в то же время отравляет культуру Запада. Питает в том смысле, что она объединяет Запад и позволяет ему и дальше занимать доминирующее положение. Отравляет в том смысле, что мешают видеть, как приближаются неизбежные перемены. Дело в том, что, чтобы видеть реальность, нужно уметь взглянуть на неё со стороны.

“Каков итог вашей цивилизации? Вы не можете посмотреть на себя со стороны. Вы не отдаёте себе отчёта, что представляете страшную угрозу для человечества. Мы вас боимся. Отовсюду люди смотрят на вас с подозрением. Все великие нации Запада готовятся к войне, к делу величайшего разрушения, которое отравит ядом весь мир. Этот яд — внутри вас самих. Снова и снова пытаются найти решение, но не могут, потому что потеряли веру в человека”¹⁹. Думаю, что имеет смысл именно в этом контексте процитировать размышление индийского поэта и философа Рабиндраната Тагора. Эти слова были написаны в 1925 году, между двух мировых войн, как раз перед той, итог которой мы описываем. Войной, разбившей вдребезги “непомерное тщеславие Европы”, с того времени, действительно, утратившей своё первенство в мире — её заменили Соединённые Штаты Америки. Тагор с поразительной пророческой силой описывает и настоящий момент, наступивший почти веком позже. Европа “вплоть до того момента” — в промежутке между двумя мировыми войнами — “пребывала на пике своей власти и своей гениальности: казалось, что она обеспечила себе безграничное процветание на бесконечное время — именно тогда, когда своим безжалостным торжеством она определила судьбу миллионов людей в других странах, готовя себе пьедестал и сохраняя его за собой на вечные времена”.

Заменим слово “Европа” словом “Запад” — и это уже хроника нашего времени. И Тагор был не единственным. Он был представителем колонизированного и уже разочарованного Востока. Но и на Западе были люди, способные смотреть на успехи Запада, не ставя на свои мысли “клейма догмы”. Через двадцать семь лет после Тагора, в разгар событий, о которых мы рассказываем, английский историк Арнольд Тойнби подверг сомнению два опорных пункта западной мысли, вдохновлявших Джорджа Кеннана. **“Первый пункт — что Запад никогда не был единственной важной частью мира <...>. Второй пункт такой: в столкновении между миром и Западом**

в течение четырёх или пяти веков <...> не Запад страдал от мира, а мир пострадал — и жестоко пострадал — от Запада²⁰.

И ближе к концу “короткого века” мы видим, что описание настоящего столкновения цивилизаций (только, если его сравнить с описанием Кеннана, его стороны поменялись местами) ещё и сегодня в полном ходу в Империи, которая приписывает нестройным ордам остального мира (в том числе России) зависть, агрессивность, желание завоевать красоты и материальные богатства Запада — невинной жертвы всего этого: **“Запад завоевал мир не превосходством идей, ценностей, религии, а превосходящим применением организованного насилия. Западные люди часто забывают об этом, не западные — не забывают никогда**²¹.

6. Советская атомная бомба

Было 24 июля 1945 года, когда Гарри Трумэн лаконически сообщил Сталину, что Соединённые Штаты только что успешно экспериментировали с новым “революционным оружием чрезвычайной мощности”. Он сделал это с хорошо отрепетированной небрежностью, почти мимоходом, но прекрасно сознавая, что случившееся только за три дня до того на полигоне Аламогордо изменит ход мировой истории. Он знал Сталина несколько дней — встреча проходила в Потсдаме, пригороде Берлина, а Трумэн недавно стал президентом Соединённых Штатов после смерти Рузвельта, — и, конечно, был прекрасно осведомлён о силе и хитрости своего собеседника. По некоторым источникам, это заявление было согласовано с Черчиллем, в том числе и для того, чтобы пронаблюдать за реакцией Сталина. Оба хотели проверить уровень осведомлённости советского лидера в этом вопросе.

Заявление Трумэна было, в сущности, угрозой: знайте, что отныне и впредь наш диалог будет развиваться в зависимости от соотношения сил, совершенно иного, чем то, какое было в Ялте. Начиналась “атомная дипломатия”. На самом деле фраза Трумэна была тщательно выверена и оставляла в тайне характеристики оружия. Он не сказал ни о том, что речь идёт о бомбе, ни о том, что это бомба “атомная”. Он хотел донести до своего собеседника простую и резкую мысль: “С сегодняшнего дня преимущество за нами”. И, конечно, он был убеждён, что преимущество это огромно и будет существовать долго, может быть, всегда. Сталин остался невозмутим. Не задал вопросов, не попросил разъяснений. Но уловил политическое и военное значение сказанного. Когда заседание было прервано, он, отвечая Вячеславу Молотову, своему министру иностранных дел, который, разобравшись в ситуации, сразу же заметил, что на Западе намерены “набавить цену”, воскликнул: “Они её всё-таки набавили... Надо сегодня же поговорить с Курчатовым и сказать ему, что нужно ускорить нашу работу...”²². Не исключено, что в тот момент Сталин знал больше, чем даже Молотов мог себе представить. Действительно, 16 июля, за восемь дней до разговора с Трумэном, Клаус Фукс — немецкий физик-коммунист, один из главных участников проекта “Манхэттен”, — лично присутствовал при взрыве на Аламогордо и после этого, 19 июля, отправил в Москву подробный отчёт на тридцати трёх страницах с детальным описанием ядерного оружия — деталей его конструкции и его действия, которое он мог наблюдать лично²³. Чего Сталин не мог знать, так это того, что всего через 13 дней можно будет непосредственно наблюдать тот огромный разрыв, который отделил Россию от Соединённых Штатов: 6-го и 9 августа два японских города, Хиросима и Нагасаки, будут уничтожены за несколько секунд.

Советские атомные исследования в тот момент на тысячу миль отстояли от решения проблемы, внезапно вставшей перед Сталиным. В 30-е годы шли исследования в атомной области, но несмотря на то, что, как свидетельствуют события, квалификация русских учёных была очень высока, перед Второй мировой войной Москва могла рассчитывать, главным образом, на Институт радиологических исследований в Ленинграде, которым руководил профессор Абрам Иоффе. Конечно, политическое руководство страны, верхи Коммунистической партии, ведя войну, сосредоточивали внимание на неядерном оружии, на проблемах снабжения, на танках. Они не думали о новом оружии. Главным образом, они требовали от своих учёных сосредоточиться на радарных технологиях, на быстром усовершенствовании защиты от морских мин, на военном судостроении, на улучшении наземной военной техники.

Возникла идея об “урановой бомбе” (такой термин использовался тогда), но не давалось никакого приоритета исследованиям в этой области.

К этому добавилась катастрофа Советской армии в первые месяцы войны, имевшая немедленным последствием эвакуацию на восток и на север основных промышленных предприятий, проектных и исследовательских учреждений – с их привычных мест в европейские части Советского Союза. Руководители, учёные, технические специалисты, рабочие переезжали в великой путанице вместе с фабриками, лабораториями и оборудованием. Существовавшие между ними связи стали проблематичными и совсем прервались на недели и месяцы. Иоффе, например, был перевезён из Ленинграда в Казань вместе со всем персоналом своего института. Из советских архивов, недавно открытых, выясняется, что об атомном вопросе руководству партии, то есть Сталину, было доложено осенью 1941 года. Доложил Лаврентий Берия, тогда руководивший НКВД, то есть Народным комиссариатом внутренних дел – верховным руководством всех советских спецслужб. Как сообщил Берия, выяснилось, что в Великобритании и Соединённых Штатах ведутся передовые исследования о военном применении атома. Сведения доставил “агент из Соединённого Королевства”, он рассказывал о возможности создания взрывных устройств, эксплуатирующих энергию ядра, и о том, что эффект их использования “примерно в тысячу раз превышает эффект не атомных бомб того же веса”. Никогда не была достигнута ясность относительно личности советского агента, передавшего эту информацию, но содержание его сообщения было признано в Москве вполне достойным доверия и чрезвычайно интересным²⁴.

В свете этой информации физик и академик Георгий Флёрв написал в апреле 1942 года встревоженное письмо Сталину, убеждая его, что необходим быстрый поворот в сторону атомных исследований. Флёрв давно был убеждён, что немцы уже на пути к созданию “урановой бомбы”. Кроме того, он пришёл к выводу, что не только немцы, но и англо-американцы продвигаются в том же направлении: ему внушил подозрения тот факт, что все главные научные журналы в последние годы непроницаемо молчали о развитии ядерной физики. Ему казалось, что это молчание изобличает существование исследований, которые держат в секрете.

Всё это доказывает, что Сталин уже некоторым образом был в курсе существования на Западе атомного проекта, когда получил сообщение Трумэна. И что, следовательно, ясно понимал военное и технологическое отставание Советского Союза, может быть, даже возможность серьёзной военной угрозы. Как мы знаем, планы атомной атаки на русские города, предполагавшие уничтожение миллионов людей, уже готовились, и основой этой подготовки было именно новое оружие, у котором заявил Трумэн. Вероятно, именно из-за письма Флёрова вспыхнула настоящая тревога. Был основан комитет, членами которого стали, по личному распоряжению Сталина, лучшие советские умы; среди них – Пётр Капица, Абрам Иоффе, Виталий Клоппин, Владимир Вернадский и, конечно, Игорь Курчатов, которому Флёрв предложил руководить коллективными исследованиями группы. Но в тот момент были насущные приоритеты, навязанные военным положением. Немецкая армия наступала, уверенная в победе, и была на пути к завоеванию Сталинграда. Красная армия отступала на многих фронтах, сопротивлялась с трудом и с большими потерями. Сталин не только не был уверен в исходе войны, но и вынужден был подчиняться категорическим и насущным требованиям обстоятельств. Его мнение было определено настойчивостью другого физика, Сергея Васильевича Кафтанова. Именно он, как оказалось, сделал выводы: “Если немцам удастся предприятие по созданию урановой бомбы, они получат решающее преимущество”. И Сталин отвечал ещё с сомнением: “Надо будет её себе обеспечить”²⁵.

Шёл 1942 год, и, конечно, среди присутствовавших на том совещании немало было тех, кто очень сомневался в успехе этого предприятия. В том числе выражали смущение и сомнения Пётр Капица и сам Игорь Курчатов. Но было принято важнейшее решение: вся внушительная система советской разведки, агенты в Берлине, Лондоне и Нью-Йорке получили приказ чрезвычайной важности – требовалось приложить усилия, чтобы собрать всю возможную информацию об исследованиях и инициативах противников и союзников в атомной области. В то же время были приняты чрезвычайные меры

предосторожности в отношении советских учёных. Как для их защиты, так и для того, чтобы их удаление от публичной жизни не вызвало подозрений у спецслужб противника. Как доказывают последующие события, советская разведка оказалась существенным, если не решающим компонентом успеха. В тот момент советские агенты в Лондоне уже получили важнейшую секретную информацию, используя ресурсы Клауса Фукса, немецкого физика, симпатизировавшего Советскому Союзу, который стал впоследствии одним из самых блестящих умов проекта «Манхэттен» — так назывался американский план по созданию первой в истории человечества атомной бомбы.

Усилия, потраченные на разведку, вполне оправдали себя. Решающие результаты были получены прежде всего в Лондоне. Москве удалось ознакомиться с результатами теоретических работ сверхсекретной группы учёных, работавших в так называемом комитете *MAUD*²⁶, который около 1940-1941 годов пришёл к выводу, что лучшим способом производства атомного оружия будет газовая диффузия урана-235. Британские физики разрабатывали не одно направление исследования, и эти направления были исключительно сложны. Требовалось отбросить менее эффективные или более опасные решения, или те решения, которые требовали более долгого времени или больших вложений, чтобы привести к какому-нибудь результату. По всей вероятности, также и британские учёные отчасти были обязаны своими открытиями успехам спецслужб Соединённого Королевства. Шла интенсивнейшая работа разведки, продвигавшаяся во многих направлениях. И Лондон с его огромным имперским опытом несомненно имел большие возможности для проникновения в лагерь противника. Британцы подошли вплотную к выводу, что возможность ядерного синтеза урана-235 была открыта нацистской Германией, по крайней мере, за три года до того, в берлинском Институте кайзера Вильгельма. Вероятность того, что это открытие приведёт к созданию атомной бомбы, уже считалась очень высокой. Но вопрос, как достичь этого результата, оставался открытым.

Комитет *MAUD* расчистил путь, подсказав, что надо отложить как производство плутония, так и путь термической диффузии, как электромагнитный метод, так и применение центрифуги. Годы исследований, неистовая работа лучших умов потребовались, чтобы прийти к этим решениям. То, что советские учёные, занимавшиеся ещё предварительными вопросами и стоявшие на перекрёстке в самом начале пути, получили в своё распоряжение эти данные, сильно сокращало путь. В самом деле, русские физики шли одновременно по всем дорогам. Курчатов ставил целью производство плутония и отчаянно требовал циклотрон как можно скорее. Уже был один, частично сконструированный перед войной в Ленинграде, в Физико-техническом институте. Он был восстановлен вместе с электромагнитом, весившим 75 тонн, оставшимся ржаветь на фабрике «Электросила», находившейся в нескольких километрах от фронта. Курчатов трудился над проектом охлаждения ядерного реактора при помощи графитных стержней после того, как отверг тяжёлую воду. Но не хватало материала — урана, и потому было необходимо срочно мобилизовать сотни геологов, чтобы исследовать территорию в тысячи квадратных километров и найти залежи этого минерала. Физик Исаак Кикоин изобрёл обогащение урана способом газовой диффузии. Другие, как Анатолий Александров, экспериментировали с термической диффузией. Лев Арцимович пробовал электромагнитное разделение.

Ситуацию можно кратко описать, сопоставив два факта. Когда Трумэн облачался в одежды Бренна, короля-варвара, который бросил на весы свой меч, произнес знаменитую фразу: «Горе побеждённым!», то есть 21 июля 1945 года, в Советском союзе уже начинали производить первую порцию плутония в новом циклотроне, сконструированном Игорем Курчатовым в окрестностях Москвы.

Возвращаясь к Берлинско-Потсдамской конференции: Сталин принял решения, необходимые, чтобы одолеть этот «бег наперегонки со временем», который должен был любой ценой восстановить равновесие. Атомная бомба заново начертила карту мировой власти, и это создавали все — в Вашингтоне, в Лондоне, в Москве. Советский Союз только что выиграл Вторую мировую войну — и оказался перед перспективой уничтожения. Таковы были политические, стратегические, психологические обстоятельства, в которых началась операция «Бородино». Так её назвал Сталин. Бородинская битва²⁷ предрешила

исход русской кампании Наполеона Бонапарта и предопределила его поражение. Как мастерски показывает в “Войне и мире” Лев Толстой, эта битва завершилась, в сущности, на равных. Но потери, понесённые французской армией, трудности снабжения, огромность пространства, в котором оказался затерян Наполеон, пожар захваченной Москвы, невозможность добраться до армии, которой командовал генерал Кутузов, избегавший столкновений, надвигающаяся русская зима вынудили французского командующего пуститься в разрушительное отступление. Вероятно, Сталин хотел этим названием предначертать для себя и для России желанную победу. И создал предпосылки для неё. Кирпичи, положенные в основание этого предприятия, все были существенно важны, необходимы, чтобы предрешить исход операции. Главным был Лаврентий Берия. Ему вручили буквально всю власть. Будучи народным комиссаром внутренних дел – главой НКВД, – он доказал свою железную решимость достигать целей, доверенных ему Сталиным. Это именно он создал лагерную вселенную, которая воздвигла советскую военную и промышленную машину, приведя её к победе. Он мог поставить себе на службу по своему приказу все бригады заключённых, которые сам и формировал. Никто лучше него не умел добиваться своей цели, используя и патриотическое чувство, и чувство страха. Он никогда не сомневался в тех приказах, которые исполнял.

Никакое колебание не дозволялось. Тот, кто ошибался, немедленно расплачивался за это. Сталин знал этого человека и не сомневался в нём.

Сразу же установилась безусловная дисциплина, а второй была политическая и научная составляющая. Руководить операцией “Бородино”, помимо Берии, были назначены два политика – ключевые фигуры как в смысле занимаемых постов, так и по своей верности начальнику: Георгий Маленков, секретарь, хотя и формальный, Коммунистической партии, и Николай Вознесенский, глава Госплана. И перед физиками Петром Капицей и Игорем Курчатовым поставили задачу – указывать всей группе приоритетные требования: когда и какие нужны люди, материалы, аппаратура и соответствующее финансирование. Третьим “кирпичом” был “неограниченный бюджет”. Этот инструмент мог появиться только в социалистической системе, будучи не только недопустимым, но и непостижимым ни для кого, рассуждающего в терминах прибыли. Его изобретателем тоже был Сталин: “Просите всё, что вам нужно для достижения цели, вам дадут”. Кажется, эти слова он сказал лично Курчатову, но Берия не нуждался в том, чтобы ему напоминали. Другими словами, участники операции “Бородино” не были ограничены в средствах. Для них государственное планирование отменялось и заменялось их решениями. Нельзя было тратить время на поиски денег, людей, машин. Достаточно было поднять телефонную трубку – и любая вещь доставлялась самым кратким путём и любой ценой. Все члены команды считались и считали сами себя “солдатами новой научной войны”. Патриотизм был скрепляющим цементом. Они верили в миссию, которую им предстояло выполнить²⁸.

Четвёртым кирпичом этой конструкции была, несомненно, совокупность структур внешней разведки. Человеком, который ими руководил под начальством Берии, был Павел Судоплатов.

Остался открытым, в том числе для русских историков, вопрос, какой вес имела в создании первой советской атомной бомбы информация, добытая различными внешними “агентурами”. Ответить однозначно на этот вопрос трудно. Конечно, операция “Бородино” была осуществлением неохватной программы, которая позволила добиться результата всего за четыре года²⁹, в которой участвовали миллионы людей: учёные, инженеры, рабочие, немецкие военнопленные, хотя они и были иностранцами, простые советские заключённые – русские и других национальностей, посаженные по политическим мотивам и извлечённые из лагерей. Массы людей, полных энтузиазма, вместе с простыми людьми, действовавшими не сознательно и не по убеждению, многие из которых были настроены враждебно. Очень значительная их часть участвовала в этом предприятии, не зная его цели. Только узкий круг учёных и политиков сознавал огромную важность того, что они пытались сделать. Ещё более тесный круг (о точном числе людей, в него входивших, не сообщается до наших дней) – информаторов высокого и высочайшего научного уровня – играл в проекте ключевую роль. Многие из них даже не были ни русскими, ни советскими людьми. Они были антифашистами по своим убеждениям,

во многих случаях убеждёнными коммунистами, добровольно сражавшимися на стороне Советского Союза — они поступали так по идейным соображениям, рискуя жизнью и личной свободой.

Кроме того, аналогичными мотивами, хотя и другого содержания, руководствовались многие учёные, работавшие над западными атомными проектами. Эти люди в большинстве своём стояли на левых и антифашистских позициях и симпатизировали Советскому Союзу, считая его главной заслугой победу над нацизмом и фашизмом. Они прекрасно понимали, какая опасность раньше или позже возникнет, если только одна из сторон будет владеть атомным секретом. Они считали, что только полное равенство во владении недавно открытой энергией может поддержать равновесие сторон и избежать ядерного столкновения, которое предстало перед ними как чудовищный поворот истории. Эти мысли и сомнения волновали умы итальянца Энрико Ферми, немецко-американского физика Альберта Эйнштейна, венгра Лео Сциларда, англичан Джозефа Джона Томсона и Джеймса Чедвика, датчанина Нильса Бора, француза Жолио-Кюри. И руководитель проекта “Манхэттен” Роберт Оппенгеймер, как признавался он сам впоследствии, испытывал ту же тревогу. Никто из них не выдавал секретов, хотя некоторым из них потом пришлось защищаться от обвинений в этом (в том числе тому же Роберту Оппенгеймеру, ставшему жертвой “охоты на ведьм”)³⁰.

Но другие, чувствуя то же беспокойство, решились действовать и разделить свои знания, открытия западных лабораторий, в которых они работали, с советскими учёными, и для этого, минуя советских агентов, сами становились по убеждению советскими агентами. Самую важную роль в этом ряду сыграл именно Клаус Фукс. Через много лет, когда Советский Союз прекратил своё существование, физик и академик Юрий Харитонов признал, что первое советское атомное оружие было сконструировано на основе чертежа американской атомной бомбы, полученного от Клауса Фукса. И напомнил, что, когда Сталин вручал высшие советские награды главным участникам этой эпопеи, то сказал: “Если бы мы опоздали хоть на год, на полтора года, вероятно, мы сами подверглись бы такому удару”³¹.

29 августа 1949 года первая советская атомная бомба на обогащённом уране взорвалась на семипалатинском полигоне в Казахстане. Её кодовое название было “Первая молния”.

Равновесие было восстановлено.

7. Разрыв Потсдамского соглашения

Он стал следствием того быстрого, хотя и постепенного, коллективного пересмотра стратегий, когда западные державы, оккупировавшие Германию, положили конец политике “репрессивной оккупации” и превратили побеждённую страну в важного, решающего союзника против коммунизма, то есть против России. Все три конференции в Париже, Москве и Лондоне, состоявшиеся в 1946–1947 годах, имели как минимум один общий знаменатель — решение западных стран выйти в одностороннем порядке из Берлинско-Потсдамских соглашений, предполагавших в будущем — более или менее отдалённом, но все были согласны, что это будет, — формирование единой и демократической Германии. Что подразумевала Россия под “демократической Германией”, сказать трудно. В любом случае можно утверждать, что на этом этапе никакая конкретная мысль о том, как достигнуть политической нормализации, за столом переговоров высказана не была. Проблема государственных структур, которые надо было создать, ещё долго оставалась бы открытой. Но в Ялтинском и Потсдамском соглашениях уже было высказано решение поддерживать диалог между Советским Союзом и Западом в целом. Однако мы видели, каковы были расчёты Трумэна и Черчилля. Они предполагали не диалог, а разрыв.

В этих обстоятельствах — под влиянием мощных краткосрочных экономических интересов, особенно американских, и насущно важных стратегических оценок — всплыли на поверхность, уже в другой форме, планы раздела Германии. Уже ничего общего с планом Morgenthau, желавшего, во-первых, наказать Германию как государство; во-вторых, наказать немецкий народ как коллективно ответственный за Вторую мировую войну; в-третьих — предотвратить всякое возможное в будущем возрождение Германии, способной причинить беспокойство Европе и миру. Теперь на проблему смотрели совершенно по-другому.

Раздел должен был именно превратить часть Германии, оставшуюся под западным контролем, в союзницу Запада, а нужен был для того, чтобы использовать военно-промышленный потенциал Германии для вовлечения экономики всей Европы в сферу экономического и финансового влияния США. При этом присоединение оставшейся части Германии откладывалось до другого времени — она пока оставалась под советским контролем.

Чтобы понять, как произошла смена целей, полезно будет вернуться назад немного больше, чем на год, к первому плану раздела Германии. Он был сформулирован на Второй Квебекской конференции (12–16 сентября 1944 года). Речь шла о совещании исключительно англо-американском, сверхсекретном, под кодовым названием “Октагон”, в котором приняли участие Уинстон Черчилль, Франклин Рузвельт и главы их генеральных штабов.

Канадский премьер-министр Уильям Лайон Маккензи Кинг на совещания допущен не был. Советский Союз не был ни приглашён, ни формально проинформирован, хотя маловероятно, чтобы он совсем ничего не знал об этом событии. Москва, однако, прекрасно понимала, что антигитлеровская коалиция, так сказать, меняла кожу из месяца в месяц, в соответствии с развитием событий на театре военных действий.

Советская армия полностью переломила ситуацию после страшной сталинградской эпопеи, продлившейся с 17 июля 1942 года до 2 февраля 1943-го. Советские войска продвигались к германским границам, занимая всё новые и новые километры европейской территории. Англо-американская высадка в Нормандии, происшедшая 6 июня 1944 года, стала началом новой политической ситуации — теперь западные страны стали прилагать больше политических усилий ради окончательной победы над нацизмом. Москва долго настаивала, что американское вторжение на европейскую территорию должно произойти скорее. Для Советского Союза было жизненно важно, чтобы немецкая армия вынуждена была воевать на два фронта и по крайней мере часть дивизий вермахта переместилась на западный фронт. И так никогда и не было окончательно выяснено, было ли опоздание с высадкой вызвано только неготовностью или недостатком организации или же политическим и военным расчётом западного командования. Однако бесспорный факт, что опоздание с высадкой в Дюнкерке помогло нацистским вооружённым силам дольше оставаться на фронтах, на которых они противодействовали советскому наступлению.

Расчёты, сделанные в эти месяцы и опиравшиеся на положение на фронтах, определили дипломатические манёвры и взаимные позиции победителей. Две встречи в Квебеке нужны были в этих обстоятельствах, чтобы изменить в нужную сторону соотношение между англо-американскими и советскими силами. Темы, которые обсуждались на этих двух совещаниях, были различны, они относились к миру в целом, а не только к Европе, но, что касается будущего Германии, обсуждение вращалось только вокруг плана Morgenthau. То есть карательного раздробления побеждённой Германии на части.

Германию решено было разделить на три зоны: Северная Германия, Южная Германия, а в самой западной части предполагалась не очень точно определённая “международная зона”. Ещё не было идеи об отдельной зоне для каждой державы-победительницы — во всяком случае, в намерениях Черчилля и Рузвельта. Их идеи, однако, очень различались между собой. Силезия полностью передавалась Польше, и этот пункт остался неизменным и впоследствии. Восточная Пруссия переходила к России. Саар, район ключевой из-за богатых залежей угля и из-за того, что там находились промышленные предприятия, имевшие решающую важность для всякого будущего проекта, должен был перейти к Франции (которую Рузвельт и Черчилль уже планировали включить в число победителей, чтобы придать весу западной коалиции). Но положение на фронтах было ещё неясным, и границы разных зон оставались в значительной мере неопределёнными.

Ялтинская конференция была создана только через пять месяцев, без участия французов. 12 апреля умирает Рузвельт. Берлин сдаётся Советскому Союзу 2 мая. Берлинско-Потсдамская конференция завершится 2 августа. Карта распределения территорий перестаёт быть предположением и становится фактом. 6-го и 9 августа Америка Трумэна бомбила Хиросиму и Нагасаки. Разрыв проявился в этот промежуток времени. Западным лидерам было ясно, что военное соотношение сил не позволит Западу захватить

всю Германию. Тогда США, Великобритания и Франция решили объединить три своих зоны оккупации, противопоставив их гораздо более широкой зоне, находившейся под контролем русских. Известно, что Уинстон Черчилль лелеял мысль сразу же развязать новую войну против Советского Союза, чтобы выяснить вопрос немедленно. Трумэн совету не последовал. Американское общественное мнение было против – факт не решающий, но важный. Но бомбардировка Хиросимы и Нагасаки через четыре дня после завершения Потсдамской конференции показала, каковы были отношения между противниками. Победа над Японией была уже делом решённым. Это чудовищное массовое убийство мирных граждан было, в сущности, посланием всему миру и в особенности – Советскому Союзу. Оно объявляло всем, кто уже стал хозяином положения, и показывало, какую степень свободы Америка решила предоставить Советскому Союзу – в тот момент единственному противнику, достойному этого имени. Китай был ещё на подходе к победе Мао Цзедуна. Провозглашение Китайской Народной Республики произошло тремя годами позже, и о Китае ещё никто не беспокоился.

8. Черчилль в Фултоне

Можно сказать, что с этого момента события начали развиваться быстро и бурно. И главную, с любой точки зрения, роль играли западные страны. Советский Союз подчинился инициативе бывших союзников, быстро становившихся врагами. Внутренние экономические проблемы, которые приходилось решать Сталину, были огромны. Речь шла о том, чтобы восстановить буквально всю европейскую часть Советского Союза; и это с мужским населением, резко сократившимся после войны. В то же время нужно было вкладывать огромную энергию и капиталы в поддержку оккупированных стран Восточной Европы. В том числе предполагалось не только заручиться их верностью, велось их идеологическое завоевание. Для всего этого требовалось угнаться за технологическим и военным уровнем Соединённых Штатов и ликвидировать их превосходство в этих областях. И всё это – при том, что производительность труда в СССР составляла меньше одной пятой производительности труда в США. Хиросима и Нагасаки стояли перед глазами Кремля как оскорбительное доказательство его отставания. Только советская атомная бомба могла бы напугать Вашингтон. Первая русская атомная бомба появляется на сцене в 1949 году. Первое советское ядерное испытание было произведено в 7 часов утра 29 августа. Американское превосходство было ликвидировано.

Впрочем, есть многочисленные свидетельства, что в этот трудный период Черчилль, как было уже указано, считал, что необходима превентивная ядерная атака на Москву – нужно использовать тот факт, что у Советского Союза нет ядерного оружия. Среди тех, кто сообщал об этом обстоятельстве, есть и свидетель – не политик. Это лорд Моран – личный врач Черчилля, который в своей книге воспоминаний³² рассказывает, как британский лидер дошёл до того, чтобы послать об этом ноту Трумэну. Моран передаёт разговор 1946 года, в котором Черчилль сказал: “Америка знает, что 52% автомобильного строения Советского Союза сосредоточено в Москве и может быть уничтожено одной бомбой. Это может означать уничтожение трёх миллионов человек, но для них это ничего не значит. Для них больше значило бы уничтожение такого исторического памятника, как Кремль”. В этом совершенно циничном высказывании под словом “они” он подразумевал советских руководителей, которых нисколько не уважал. И чувствовал необходимость саркастическим намёком выразить своё отношение к русской культуре, ничем, в сущности, не отличавшееся от идей Кеннана. В тот момент главной идеей Черчилля было неожиданно поразить врага, с которым он боялся столкнуться в будущем. Поэтому он упрямо настаивал на своём, стараясь убедить американского президента, используя эмиссаров, в числе которых – правореспубликанский сенатор Стайлз Бриджес. В одном из тех меморандумов, относящихся к 1946 году, Черчилль открыто настаивал на том, что “единственным спасением для цивилизации было бы, чтобы президент Соединённых Штатов объявил Россию опасностью для мира во всём мире и объявил превентивную атаку”³³. Однако консерватор Уинстон Черчилль потерпел сокрушительное поражение на выборах в июле 1945 года. Несмотря на его высокую популярность как политического лидера, британские избиратели предпочли лейбористов по причинам

исключительно внутренним, экономическим и социальным — в этих областях он гораздо меньше соответствовал народным требованиям. Может быть, те, кто голосовал против него, думали, что он по-прежнему останется на верхах внешней политики Лондона. И впоследствии так и вышло. В те шесть лет, когда он оставался главой консервативной оппозиции, Черчилль продолжал оказывать огромное влияние не только на британскую внешнюю политику, но также и, прежде всего, на идеи интеллектуальной и политической элиты Запада в целом. И именно поэтому Гарри Трумэн доверил ему сообщить миру о новом направлении, которое Запад начал придавать послевоенному ходу событий.

Когда 5 марта 1946 года Черчилль встал, чтобы произнести свою знаменитейшую речь в Вестминстерском колледже Фултона, штат Миссури, он обращался ко всему Западу, хотя и не был британским премьер-министром. Его слова были тщательно согласованы с американским президентом. Оба они, конечно, справились с восемью тысячами слов Джорджа Кеннана, лёгшими на их столы всего за десять дней до этого.

Это было “официальное” начало “холодной войны”. Одновременно в официальный обиход вошло выражение “железный занавес”. Compliments теперь уже бывшему союзнику были включены в речь как простая формальность. “Мы рады, что Россия занимает место, подобающее ей, среди великих наций мира, приветствуем её флаг на морях и, прежде всего, надеемся на постоянные, частые и возрастающие контакты между русским народом и нашими народами, живущими на обоих побережьях Атлантики”. Существо речи было очень жёстким. “От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на весь континент опустился “железный занавес”. За ним оказались все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все эти знаменитые города и живущие вокруг них народы уже в сфере, которую я называю советской. И все они так или иначе подчинены не только советскому влиянию, но и жесточайшему и во многих случаях всё возрастающему контролю со стороны Москвы”.

Советский Союз взял под контроль “слишком большую” и “слишком важную” часть Европы. Ялтинские ожидания Запада оказались слишком оптимистичными. Наступил момент воплотить в жизнь стратегию “сдерживания”, подсказанную Джорджем Кеннаном, и нельзя было терять времени. Суждение о том, как произвести этот поворот, отмечено было трезвым реализмом. Фултонская речь была демонстрацией уверенности. “У нас достаточно сил, чтобы защитить и охранить наше будущее, — сказал Черчилль и добавил: — Я не думаю, что Советская Россия хочет войны. Она хочет плодов войны и неограниченного распространения своей власти и своей доктрины”. Больше всего англо-американцы опасались проникновения коммунистической идеологии, и Америка знала, что сможет на это эффективно ответить. Разрыв антинацистского союза и был первым, немедленным и очень жёстким ответом, который как раз тогда готовился.

“Мы подходим к концу пути, — писала *New York Herald Tribune*, — эпоха Ялты отошла в прошлое. <...> Раздел Германии развязывает нам руки, чтобы включить Западную Германию в систему западных государств”³⁴. Фултонскую речь Черчилля приняли благосклонно не все западные правящие круги. Немало было авторитетных изданий, считавших, как, например, *Times*, что коммунизму и демократии “есть чему поучиться друг у друга”. Тогда как *Wall Street Journal* зеркально отражала изоляционистские позиции, широко распространявшиеся в Республиканской партии: “Соединённые Штаты не хотят союза и ничего, напоминающего союз, ни с какой страной”³⁵. В Вашингтоне не все были довольны тем, что Уинстон Черчилль — лидер Запада. По правде говоря, никто этого не хотел. Америка чувствовала, что занимает командные позиции, и так оно и было на самом деле, и ей не нужны были дублёры. И, главное, среди разных линий разлома, разделявших англо-американские правящие круги, всё важнее становились те, которые представляли интересы военно-промышленного комплекса и американских финансов.

9. Лондонская конференция

От плана Morgenthau официально отказались 6 сентября 1946 года, когда американский госсекретарь Джеймс Р. Бёрнс произнёс речь, которая приобрела форму “Новой декларации о германской политике”. За ней последовало,

как мы уже видели, бурное и противоречивое “междущарствие”, длившееся больше года, до июля 1947 года, когда Соединённые Штаты перешли от директивы JCS 1067 к директиве JCS 1779. Она определённо утверждала, что настает конец “репрессивной оккупации” западной Германии и наступает период серьёзного сотрудничества между оккупантами и оккупированной страной. Соединённые Штаты, Великобритания и Франция заявили, что “безопасная и процветающая Европа требует экономического вклада стабильной и продуктивной Германии”.

23 февраля 1948 года при энергичных протестах Советского Союза началась отдельная конференция западных стран, которая определила новые линии их поведения и утвердила, по закону и фактически, отказ от принципа совместного руководства германскими делами. Лондон отменял Потсдам. Через месяц, 20 марта 1948 года, по причине отказа западных стран передать решения, принятые в Лондоне, на формальное рассмотрение четырёхстороннего Контрольного совета маршал Соколовский, советский представитель, покинул собрание Совета, указав, по существу, что это конец сотрудничества. 3 апреля Гарри Трумэн подписал план Маршалла. 7 июня того же года американцы, англичане и французы основали орган совместного международного контроля над Руром и начали формирование региональных правительств в зонах западной оккупации, поручая им наметить Конституцию ввиду будущего создания западногерманского государства.

За пять месяцев западные союзники круто изменили картину, созданную подписанными раньше соглашениями. Это было стратегическое наступление на многих фронтах, не оставлявшее возможности для переговоров. Советский Союз внезапно оказался без дипломатических средств, чтобы ему противостоять. Но и без экономических и финансовых возможностей ответить было трудно. План Маршалла был самым коварным пунктом, против которого Сталин не имел никаких планов защиты. Из Вашингтона (с изрядной долей наглости) сделали даже предложение включить Советский Союз (и восточные страны-сателлиты) в число бенефициаров американской “помощи”. Но если бы условия, на которых США соглашались распространить на них своё предложение помощи, были приняты, они поставили бы советскую экономику под прямой контроль международных финансовых институтов. В том числе и созданных на Бреттон-Вудской конференции. Поэтому предложение было отвергнуто даже без рассмотрения. Кремль уже оказался в положении того, кто ждёт, что на него обрушится множество ударов, но не имеет от них защиты.

17 июня три западных правительства осуществили отдельную валютную реформу, объяснив её необходимостью “эффективного участия Западной Германии в плане Маршалла”. Рейхсмарка, вплоть до того момента имевшая ценность в четырёх оккупационных зонах, в трёх западных зонах была заменена другой легальной валютой – немецкой маркой. Это был фактически последний инструмент четырёхстороннего контроля над ситуацией. Объявили, что новая валюта напечатана в Соединённых Штатах в 1947-1948 годах. И обнаружилось, что Вашингтон и Лондон предварительно хорошо обдумали каждый шаг операции, чтобы достичь этого пункта. Сговор и обман шли рядом. Так СССР вынудили осуществить во всевозможной спешке параллельную валютную реформу в восточной зоне – зоне собственной оккупации – и ввести целый ряд административных и экономических ограничений.

Однако для Сталина проблема была гораздо серьёзнее, чем налаживание валютного обмена. Речь шла о том, чтобы резко изменить всю политику в зоне своей оккупации. Вплоть до этого момента Москва считала восточную Германию побеждённым врагом. В своей оккупационной зоне Москва систематически занималась экспроприацией промышленности, сырья, инфраструктуры, промышленных товаров. Уплата немецкого военного долга России происходила как отъём всего, что оставалось в восточной Германии способного приносить пользу. На Западе был план Morgenthau и директива JCS 1067. На востоке было то же самое, только без названия.

Теперь, в июне 1948 года Москва пришлось решать вопрос, как произвести переворот во всей своей оккупационной политике. До этого момента с немцами обращались как с врагами, теперь нужно было выбрать среди них тех, которые будут полезны как друзья. Теперь надо было формировать восточногерманскую элиту из убеждённых антинацистов, марксистов и ленинцев, задачей которых будет строить в Германии социализм. В то время как Запад

спасал нацистов, чтобы использовать их научные знания, их шпионскую находчивость и жестокость, Советский Союз должен был опереться на тех, кто сопротивлялся нацизму или просто не был им заражён.

Нужно было перестать забирать материальные блага и людей. Даже как можно скорее повернуть поток назад и заменить уплату военного долга потоком всевозможного рода помощи. Задача тем более неблагодарная и трудная из-за скудости средств в “родном доме”. К тому же надо было немедленно остановить начавшуюся утечку кадров: профессоров, чиновников, медиков, руководителей.

24 июня 1948 года Советский Союз решил блокировать Западный Берлин, закрыв все пути въезда и выезда, наземные и водные, и отрезав водоснабжение и электроэнергию. 480 квадратных километров западного Берлина (находившихся под западным контролем) остались, окружённые со всех сторон, внутри зоны советской оккупации. Демаркационная линия между двумя зонами города была 44,8 километра длиной, и до того момента её можно было пересечь через 81 зону контроля и 13 железнодорожных и уличных пограничных пунктов. Трумэн отверг предложение генерала Люсиуса Д. Кляя, командующего оккупационными войсками США, организовать бронированную колонну, чтобы прорвать советскую блокаду, — он боялся, и справедливо, что это выльется в прямое военное столкновение больших масштабов. Он поручил генералу Альберту Уэдемейеру, командовавшему авиацией США в Европе, организовать воздушный мост, чтобы снабжать город. Воздушный мост устроили на следующий день после начала блокады, и он продолжал действовать непрерывно до 30 сентября 1949 года. Весь американский и британский воздушный флот был мобилизован в рекордные сроки. Самолёты поставляли не только Соединённые Штаты, но и Великобритания и Франция, но управляли ими также экипажи из Австралии, Южной Африки, Новой Зеландии. Потом рассчитали, что вылетов было в общей сложности 278 228, а в самый напряжённый момент — 1398 вылетов каждые 24 часа. На самом деле Сталин через 11 месяцев решил прекратить противостояние, но мост продолжал действовать — опасались, что Москва может каждую минуту возобновить блокаду. Всякий диалог был прерван и больше не возобновлялся.

Цена этого столкновения для западных стран была очень высока, но пропагандистский результат — превосходный. Перед лицом европейского общественного мнения, наэлектризованного “героическим” предприятием, Советский Союз, подвергшийся провокации, оказался на скамье подсудимых. Блокада Берлина стала одной из первых экспериментальных проб в создании отрицательного образа СССР как “безжалостного врага” Запада и его народов. Как непримиримого врага всякого соглашения. И облегчила следующие шаги, тем временем уже спланированные, к формированию западногерманского государства и его включению в ускоренном темпе в Атлантический договор.

Первого сентября 1948 года состоялось первое собрание германской Конституционной ассамблеи. Конституция будет принята 8 мая следующего года. Тем временем, 4 апреля 1949 года основали НАТО (*North Atlantic Treaty Organization*), и решение о его создании вошло в силу 24 августа того же года. Конрад Аденауэр стал главой первого правительства Федеративной Республики Германия 20 сентября 1949 года.

Советский Союз молча наблюдал за блестяще задуманным политическим наступлением, которому не имел никакой возможности противостоять. Посреди эффектных фейерверков, устроенных бывшими союзниками, раздавался только один мощный звук — грохот взрыва, совершенно неожиданный и повергающий в изумление: 29 августа 1949 года взорвалась первая советская атомная бомба на далёком полигоне Семипалатинска.

10. Продолжать войну?

Джордж Кеннан, автор секретной “длинной телеграммы” от 23 февраля 1946 года, остался в истории первого послевоенного времени не только благодаря ей, но и благодаря ещё одному высказыванию. 6 ноября 1947 года, через 20 месяцев, уже не в качестве посла в Москве, а в качестве влиятельного чиновника Госдепартамента, он кратко написал: “Правительство Советского Союза не хочет и не ждёт от нас войны в обозримом будущем”. Здесь можно выделить два утверждения: “не хочет” и “не ждёт от

нас". Первое – больше чем реалистично. Оно точно. СССР вышел из войны с потерями в 20 миллионов убитых, военных и гражданских. И с огромными разрушениями. При том же направлении советской политики, как оценил Кеннан, потребуется пятьдесят лет, чтобы восстановить страну. Сразу же после окончания военных действий Коммунистическая партия Советского Союза решила снова перенести на прежние места промышленные предприятия, эвакуированные на восток и на север, очень далеко от Москвы, чтобы избежать их захвата или разрушения от немецких бомбардировок. Американские и британские спецслужбы следили за этими огромными перемещениями целых фабрик и их персонала и легко могли сделать вывод о военном и политическом значении этого решения. Кеннан это знал и сказал об этом открыто. Если Сталин принимал такие решения, их значение было недвусмысленным. Он не опасался других нападений и рассчитывал, что их не будет долго. Перед СССР, кроме того, стояла проблема, как "включить" в свою систему, интегрировать в промышленном и политическом смысле весь уже захваченный европейский восток. Не приходилось опасаться советской атаки на Западную Европу.

Второй вывод (Москва "не ждёт от нас...") может означать две противоположные мысли: не будем атаковать. Или: если мы их атакуем, то легко сможем победить. Пока Запад готовил переворот и отменял, как мы видели, подписанный в Потсдаме договор, военное решение было хорошо обдуманно и подготовлено. Не знаем, что делал или что думал по этому поводу сталинский штаб. Из советских военных архивов просочилось немного, несмотря на то, что российский президент Борис Ельцин открыл все окна и двери. Совсем не исключено, что и в Москве строили параллельные военные планы из-за уже ставшего ожесточённым политико-дипломатического противостояния по поводу будущего Германии. Но, если такие планы существовали, они были ответом на западные замыслы атаки.

Об этих западных планах известно многое, если не всё. Война против Советского Союза планировалась, можно сказать, "сию минуту". План назывался "Полумесяц" ("*Halfmoon*") и указывал, к каким военным действиям следует готовиться "на случай войны в ближайшем будущем". На плане была обозначена дата 21 июля 1948 года. Америка в тот момент обладала атомной монополией. У США было достаточно атомных бомб, чтобы стереть с лица земли все главные советские центры в европейской зоне, и достаточно ракет-носителей, чтобы доставить бомбы по назначению. Однако, по оценке плана "*Halfmoon*", несмотря на ядерное превосходство, "война с Советским Союзом в ближайшие годы будет напоминать по своему характеру и продолжительности Вторую мировую войну"³⁶. В другом документе, датированном 11 мая 1949 года, на основе данных о советском военном потенциале оценивались последствия стратегической ядерной бомбардировки: "2 миллиона 700 тысяч убитых, более 400 тысяч раненых, а 28 миллионов человек в 70-ти городах останутся без крова"³⁷. Был составлен список городов, на которые предполагалось напасть.

Отсюда следует, что Соединённые Штаты уже разработали и считали эффективной доктрину первого наступательного ядерного удара. Но другие проекты, такие, как получивший название *OFFTACKLE* от 26 марта 1949 года, указывали и дату начала, "предположительно" назначенную на "1 июля 1949 года"³⁸. А в проекте *DROPSHOT* предполагалось применить 300 атомных бомб и 29 тысяч тонн не атомных при бомбардировке ста советских городов. Проекты этой войны были чрезвычайно детально разработаны в том, что касалось политических последствий, которых хотели добиться. СССР считался "геополитическим конкурентом", которого нужно было уничтожить "как социалистическую структуру". В мирное время предполагали применять "различные формы психологической войны", а во время войны считали нужным "снабжать оружием любое не коммунистическое политическое формирование и оказывать ему поддержку" так, чтобы "можно было уничтожать коммунистические банды методами русской гражданской войны"³⁹.

В уже упоминавшийся плане *DROPSHOT*, кроме атомных бомб, назывались и другие многочисленные меры и цели политического характера. Во-первых, "отнять у нынешних систем управления поддержку народов СССР и их сателлитов". И убедить русских людей, что "уничтожение Политбюро – в ряду возможных вещей". Указывалось, что "тип отношений между Кремлём

и советским народом представляет собой слабое место Кремля”. Поэтому ещё одна цель — “добиваться, чтобы предательство советских людей достигло высочайшей степени” и “организовывать манифестации и восстания в самых стратегически важных вассальных странах”.

Перечисленные здесь цели — очевидно, такие же, как и те, которых добивались впоследствии, в ходе “холодной войны”: разработка стратегии и тактики, которых нужно придерживаться, когда нет военных действий; подготовка кадров; расчёт стоимости; деморализация противника; политическая подрывная работа извне и внутри. Насколько можно судить, советские руководители той эпохи не рассчитали силы этой стратегии (может быть, у них и не было для этого чутья), особенно связанной с технологическим превосходством Соединённых Штатов в информационно-коммуникативной области. Может быть, они думали, что единственно важный фактор — атомная бомба, которой надо было себя обеспечить. Это они и сделали с чрезвычайной быстротой. “Горячей” войны не было, — может быть, именно по этой причине. В остальном они считали “холодную войну” чем-то вроде “войны нервов”. Только после 1991 года, проиграв её, они начали понимать, что “гибридная война”, даже в той элементарной форме, в которой она велась, может стать роковой.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hic sunt leones* (лат. “здесь живут львы”) — слова, которыми на древнеримских картах обозначались территории, не принадлежащие Римской Империи. — **Прим. пер.**

² *Goethe Institute — Germani History (ing); Hildebrandt. Historiker arbeiten im PDS Auftrag. Berliner Zeitung*, 11 августа 2006.

³ http://www.dailysoft.com/berlinwall/historyfacts_01.htm (*inf*). Архивированная копия на *die-berliner-mauer.de*. URL проверена 9 ноября 2009 (оригинальная статья подверглась архивированию 12 октября 2007 года).

⁴ “Народная полиция” в уничижительном сокращении той эпохи. — Прим. авт.

⁵ Цитата взята из Википедии, итальянское издание. “*L’Ombra della Vittoria*” (“Тень победы”), глава 7.

⁶ Виктор Суворов, в миру Владимир Богданович Резун, бывший агент ГРУ — военной спецслужбы СССР. В 1978 году сбежал, чтобы перейти на службу в британскую разведку.

⁷ В действительности, точной даты немецкой капитуляции нет. Очаги вооружённого сопротивления продолжали существовать вплоть до первых чисел мая, когда большая часть немецких вооружённых сил, рассеянных по Европе, сдалась без всяких условий.

⁸ Курсив мой, чтобы подчеркнуть, что на этом этапе внимание троих союзников было единодушно сосредоточено на том, чтобы любыми средствами помешать возрождению Германии как промышленной и военной державы. — **Прим. авт.**

⁹ Раздел I касался всемирной организации, раздел II содержал Декларацию об освобождённой Европе.

¹⁰ Курсив мой. — **Прим. авт.**

¹¹ Источник, из которого взяты эти цитаты, — “Собрание документов Крымской конференции”, том IV, содержащееся в издании “Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны, 1941–1945”, издательство политической литературы, 1979 (Электронная библиотека исторического факультета МГУ, под заголовком “Материалы Ялтинской конференции, 1945”). Здесь не содержится ни тексты рабочих документов, ни тексты, не обсуждавшиеся на собрании глав делегаций. Отсутствуют также многочисленные комментарии и пояснения, которые наличествуют в бумажном издании. Наконец, уточняется, что это советское “официальное издание”, редактором которого был один из главных участников конференции Андрей Андреевич Громыко, тогда министр иностранных дел. Существует также “американская официальная версия”, которую можно найти на сайте библиотеки Висконсинского университета в Мэдисоне. Но, — замечает советское издание, — американские стенограммы “оказываются очень отличными” от советских и, “хотя ход дискуссий один и тот же”, в их

передаче встречаются “расхождения, в том числе и такие, что заметно влияют на смысл”.

¹² John Morton Blum *From the Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945* (1967), p. 227.

¹³ Office of Strategic Services–Official Dispatch Ref. No. 250. Franklin D. Roosevelt Presidential Library Museum, Marist College.

¹⁴ *Wall Street Journal*, 30 октября 1946.

¹⁵ Джордж Кеннан был назначен специальным представителем Соединённых Штатов в Москве в годы после Второй мировой войны.

¹⁶ Eric J. Hobsbawm. *Il secolo breve, Bur Storia, Milano* 2004, p. 276.

¹⁷ Александр Зиновьев. Гибель Империи зла.

¹⁸ Итальянский историк. — **Прим. пер.**

¹⁹ Rabindranath Tagore. *L'anima dell'Occidente. Un giudizio, Castelvechchi, Roma*, 2013, pp. 38–39.

²⁰ Arnold Toynbee. *Il Mondo e l'Occidente, Sellerio Editore, Palermo*, 1992, pp. 11–12 (*The World and the West, Oxford University Press*, 1953).

²¹ Samuel Huntington. *Lo scontro di civiltà e il nuovo ordine mondiale. Garzanti, Milano*, 2005.

²² Giuseppe Boffa. *Storia dell'Unione Sovietica, vol II, p. 286.*

²³ <https://back-in-ussr.info/2011/12/атомная-разведка/> Возможно, однако, что тому, кто получил сообщение Фукса (вероятно, это был лично Лаврентий Берия), удалось передать Сталину, занятому в Потсдаме, только какую-то предварительную информацию. Но можно предполагать, что для Сталина сообщение Трумэна было не вполне сюрпризом.

²⁴ Высока вероятность того, что информатором был кто-то из “Кембриджской пятерки”. Все пятеро были британскими гражданами, игравшими фундаментальную роль в масштабной и секретной шпионской войне, ведшейся в предшествовавшие Второй мировой войне и следовавшие за ней годы. Все пятеро были коммунистами. Они происходили из состоятельных семей. Выдавали сведения не ради денег или личной выгоды, но из политических убеждений. Их имена: Ким Филби (кодовое имя – Стэнли), Гай Бёрджесс (Хикс), Дональд Дуарт Маклин (Хоумер), Энтони Блант (Джонсон), Джон Кернкросс (Лист).

²⁵ Chris Bellamy, *Guerra assoluta, Einaudi* 2010, p. 560.

²⁶ Есть версия, что аббревиатура MAUD означала “Military Application of Uranium Detonation” – “военное применение взрывчатых свойств урана”. Однако существует другая версия, очень забавная. Слово “MAUD” было не аббревиатурой, а просто женским именем – именем гувернантки детей Нильса Бора, Мод Кей Кент. Её имя называл сам Бор в частном письме к другому физику, когда находился в западне в Дании, оккупированной нацистами. Те, кто впоследствии читал это письмо, понимали слово “MAUD” как шифр. Впоследствии Бору удалось эмигрировать в Америку, и он стал одним из самых важных сотрудников проекта “Манхэттен”.

²⁷ 7 сентября 1812 года.

²⁸ Andrea Graziosi. *L'Urss dal trionfo al degrado, Il Mulino*, 2008, p. 53.

²⁹ Сами западные учёные после эйфории Хиросимы и Нагасаки считали, что Советскому Союзу ни в каком случае не удастся достигнуть “атомного паритета” раньше 1955–1960 годов.

³⁰ <http://spy.hww.ru/svr/history/stage06.htm>

³¹ Известия, 8 декабря 1992 года.

³² *The Struggle for Survival, citato in Thomas Maier* (2014), p. 412–413.

³³ Thomas Mayer. *When Lions Roar: The Churchills and the Kennedys, Crown*, 2014, p. 412.

³⁴ 20 декабря 1947 года.

³⁵ Martin Gilbert, *Winston Churchill*, (2001), p. 413 (цитата взята из статьи итальянского издания Википедии “Winston Churchill dopo la seconda Guerra mondiale (1945–1965)”).

³⁶ JCS 626/3: *Formula for the Determination of a National Stockpile. February 3, 1948.* Эта и последующие цитаты в этой главе взяты из книги “Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N. Y.: Columbia University Press, 1978.

³⁷ *Evaluation of Effect on Soviet War Effort Resulting from the Strategic Air Offensive. May 11, 1949.*

³⁸ JSPC 877/59: *Brief of Joint Outline Emergency War Plan (OFFTACKLE). May 26, 1949.*

³⁹ NSC 20/1: *U. S. Objectives with Respect to the Russia. August 18, 1948.*